

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 214–221.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 214–221.

Научная статья
УДК 122/129
doi: 10.54398/1818-510X.2026.88.3.023

ПЛАТФОРМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Храпов Сергей Александрович¹, Миронов Григорий Юрьевич²

^{1,2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

¹khrapov.s.a.aspu@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

²grisha.mironov.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6127-9849>

Аннотация. В статье осуществлен междисциплинарный социально-философский анализ платформенного капитализма как ключевого фактора трансформации современной социальной реальности. Обосновывается, что цифровая платформа представляет собой не бизнес-модель пост-индустриального капитализма, а новую инфраструктуру-посредник, значимо перестраивающую онтологические структуры социального бытия. Рассматриваются основные теоретические подходы к определению и типологии платформ (Н. Срничек, Й. ван Дейк, Ж. Тироль, К. Фукс, Б. Браттон и др.), генезис платформенного капитализма в контексте «длинного спада», неолиберализма и надзорного капитализма (Ш. Зубофф). Особое внимание уделяется концептуально-методологическим основаниям исследования: политэкономическому, социально-онтологическому, постструктуралистскому, психополитическому (Хан Бён-Чхоль), «фармакологическому» (Б. Стиглер) и постколониальному подходам. Анализируются механизмы алгоритмической власти, датафикации, коммодификации социального, цифровой колонизации, алгоритмической субальтерности и эпистемического насилия. Продемонстрирована конъюктурная специфика российской модели платформенного капитализма в контексте борьбы за цифровой суверенитет, развития национальных платформ и противодействия глобальной зависимости. Обосновывается, что платформенный капитализм формируется на трёх уровнях социальной реальности – объективном, субъектном и социокультурном, – порождая как конструктивные (экономический рост, доступность услуг), так и деструктивные эффекты (прекаризация, цифровая мифологизация, угрозы суверенитету и идентичности). Подчёркивается необходимость междисциплинарного синтеза для преодоления технологического детерминизма и разработки стратегий цифрового суверенитета, символической грамотности и альтернативных (кооперативных, децентрализованных) моделей платформ.

Ключевые слова: платформенный капитализм, социальная реальность, социальная онтология, цифровой суверенитет, цифровая колонизация, алгоритмическая субальтерность, эпистемическое насилие, постколониальная теория, цифровая идентичность, междисциплинарный подход

Для цитирования: Храпов С. А., Миронов Г. Ю. Платформенный капитализм в структуре социальной реальности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 3 (88). С. 214–221. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.023>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

PLATFORM CAPITALISM IN THE STRUCTURE OF SOCIAL REALITY

Sergey A. Khrapov¹, Grigory Yu. Mironov²

^{1,2}Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹khrapov.s.a.aspu@gmail.com[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1962-748X>

²grisha.mironov.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6127-9849>

Abstract. The article presents an interdisciplinary socio-philosophical analysis of platform capitalism as a key factor in the transformation of modern social reality. It is argued that the digital platform is not merely a business model, but a new intermediary infrastructure that radically restructures

the ontological foundations of social being. The main theoretical approaches to the definition and typology of platforms (N. Srnicek, J. van Dijck, J. Tirole, C. Fuchs, B. Bratton, etc.), as well as the genesis of platform capitalism in the context of the «long downturn,» neoliberalism, and surveillance capitalism (S. Zuboff) are examined. Special attention is paid to the conceptual and methodological foundations of research: political-economic, socio-ontological, poststructuralist, psychopolitical (Byung-Chul Han), pharmacological (B. Stiegler), and postcolonial approaches. The mechanisms of algorithmic power, datafication, commodification of the social, digital colonization, algorithmic subalternity, and epistemic violence are analyzed. The specifics of the Russian model of platform capitalism are shown in the context of the struggle for digital sovereignty, the development of national platforms, and resistance to global dependency. It is substantiated that platform capitalism is formed at three levels of social reality – objective, subjective, and sociocultural – generating both constructive (economic growth, accessibility of services) and destructive effects (precarization, digital mythologization, threats to sovereignty and identity). The necessity of an interdisciplinary synthesis is emphasized to overcome technological determinism and to develop strategies of digital sovereignty, symbolic literacy, and alternative (cooperative, decentralized) platform models.

Keywords: platform capitalism, social reality, social ontology, digital sovereignty, digital colonization, algorithmic subalternity, epistemic violence, postcolonial theory, digital identity, interdisciplinary approach

For citation: Khrapov S. A., Mironov G. Yu. Platform Capitalism in the Structure of Social Reality. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 3 (88), pp. 214–221. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.88.3.023> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Цифровой вектор современной цивилизации «взламывает» традиционные социальные институты и сферы, запускает масштабные трансформации, требующие разработки новых методологий исследования [4]. На наш взгляд, цифровая платформа как новый экономический механизм в наиболее общем смысле определяется как инфраструктура-посредник, обеспечивающая взаимодействие между различными группами пользователей и извлекающая стоимость из организации этого взаимодействия. Однако за этим общим определением скрывается значительное разнообразие типологий и теоретических подходов. Междисциплинарный синтез позволяет избежать технологического детерминизма и экономического редукционизма, раскрывая платформы как арену борьбы за власть, субъективность и альтернативные формы организации. Однако неуклонное и неизбежное распространение цифровизации в социальной реальности постепенно не только меняет общемировые цивилизационные (технологические) тренды развития, но и ведет к кардинальным смысловым, аксиологическим и антропологическим сдвигам, а значит, и к новой трактовке междисциплинарности, когда старые методологические споры будут расцениваться как частности, уже не имеющие принципиального значения [6, с. 174]. Социально-философское осмысление платформ как ключевого феномена цифровой эпохи выходит далеко за рамки технологического или экономического анализа, раскрывая их роль в трансформации субъективности, власти, техники и социальной реальности. Социокультурные риски цифровой эпохи и их значение обусловлено рядом факторов, среди которых можно выделить, с одной стороны, интенсивное развитие интеллектуальных цифровых технологий, которые берут на себя не только интеллектуальные, но и творческие функции, ранее доступные непосредственно человеку, с другой стороны, резкое усиление геополитической борьбы, порождаемой турбулентностью формирования многополярного мира, при которой социокультурная составляющая жизни государства становится стратегическим ресурсом и условием сохранения самостоятельности [5, с. 10]. Платформенный капитализм предстает не просто бизнес-моделью, а новым онтологическим и эпистемологическим порядком, где алгоритмы, данные и интерфейсы становятся инструментами производства смысла, контроля и бытия. Современная философия предлагает разнообразные перспективы – от постструктуралистской критики обществ контроля до психополитики, фармакологии техники и интерпретации цифрового капитализма как современного мифа, позволяющие понять, как платформы перестраивают человеческое существование в условиях глобальной медиатизации и датафикации.

Российский контекст иллюстрирует специфику борьбы за цифровой суверенитет в условиях платформенного доминирования. Несмотря на глобальное присутствие западных платформ, в России сформировались значимые национальные аналоги (Яндекс, VK, Сбер и др.), которые выполняют функцию «национальных чемпионов» и частично компенсируют зависимость

от иностранных инфраструктур. Государство играет особую роль в регулировании цифрового пространства: через законы о локализации данных, суверенном интернете, маркировке иноагентов и развитии отечественных технологий оно стремится минимизировать риски внешнего контроля [2]. Однако, как отмечается в отечественных исследованиях, собственная политэкономическая теория платформенного капитализма находится в стадии формирования, а рецепция западных концепций (Срничек, Зубофф, Хан Бён-Чхоль) сочетается с акцентом на социокультурные и антропологические аспекты цифровизации. На современном этапе развития предмета экономической теории, который, противопоставляя политэкономии с ее стремлением выявить фундаментальные (объективные) законы эволюции экономики, обычно обозначают термином «экономика», фокус исследований сместился к микроэкономике и ряду ее прикладных аспектов [6, с. 172]. Национальный цифровой суверенитет здесь выступает не только как инструмент защиты от глобальных платформ, но и как условие сохранения культурной идентичности и социальной сплоченности в условиях виртуализации реальности.

Сравнительный анализ «платформенных капитализмов» в плюралистическом понимании показывает, что формы реализации цифрового суверенитета сильно варьируются в зависимости от геокультурного и политического контекста [8]. В странах Азии (Китай, Индия, Таиланд) государство выступает активным медиатором платформенных отношений: от «market-in-state» модели в Китае до секторальных норм и макрорегиональных стратегий. В Европе и России акцент делается на регуляторных механизмах (GDPR-подобные нормы, данные локализации), в то время как в Глобальном Юге преобладают вопросы цифрового неравенства и постколониальной зависимости. Постколониальная перспектива подчеркивает, что национальный цифровой суверенитет является ключевым элементом противодействия новым формам цифровой эксплуатации, однако его реализация требует интеграции многоаспектных подходов с учетом локальных контекстов и глобальных тенденций. Без такого синтеза сохраняется структурный дисбаланс между центрами и перифериями цифрового капитализма [3].

Философские подходы обогащают понимание цифрового суверенитета, выводя его за рамки сугубо технико-правовых решений. Психополитика Хан Бён-Чхольа и фармакология Стиглера показывают, что платформы формируют субъективность, подчиненную внешним алгоритмам, что делает суверенитет также вопросом автономии индивида и коллективной способности к самоопределению. Интерпретация цифрового капитализма как современного мифа требует развития символической грамотности, позволяющей разоблачать механизмы культурной гегемонии. Политика технологий подчеркивает потенциал платформенных кооперативов и альтернативных моделей как инструментов восстановления суверенитета «снизу». Соответственно, платформы и цифровой суверенитет находятся в диалектическом напряжении: первые выступают одновременно вызовом и инфраструктурой, второй – необходимым условием сохранения автономии в эпоху глобальной цифровизации. Эффективная стратегия цифрового суверенитета предполагает сочетание государственного регулирования, развития национальных платформ, технологического импортозамещения и международного сотрудничества в рамках многосторонних форматов. Только такой комплексный подход, учитывающий как экономические, так и культурно-философские измерения, способен обеспечить переход от зависимости к полному контролю над цифровой реальностью, превращая платформы из инструмента внешнего доминирования в ресурс национального и социального развития.

Постколониальный дискурс представляет собой один из наиболее продуктивных критических инструментов для осмысления платформенного капитализма как новой формы глобальной власти и неравенства в условиях цифровой трансформации. Если классический колониализм опирался на территориальное завоевание, эксплуатацию ресурсов и культурное доминирование, то цифровой колониализм проявляется через контроль над данными, алгоритмами, медиапотоками и инфраструктурой платформ, воспроизводя исторически обусловленные структуры зависимости, символического господства и асимметричного доступа. Постколониальный подход, опираясь на работы Э. Саиды, Г. Ч. Спивака, А. Аппадурай и др., позволяет выявить, как глобальные платформы (Google, Meta, Amazon и др.) выступают не просто технологическими посредниками, а транснациональными акторами, формирующими новые колониальные паттерны в цифровом пространстве. Цифровой капитализм, по определению Н. Срничека, характеризуется преобладанием цифровых платформ как бизнес-модели, извлекающей прибавочную стоимость из цифровых данных. Постколониальный дискурс расширяет данный модус, показывая, как платформенный капитализм усиливает структурные асимметрии между глобальными центрами (Глобальный Север) и перифериями (Глобальный Юг) и полуперифериями. Исторически развивающиеся страны часто становятся поставщиками дешевой рабочей силы, с началом интенсивной цифровизации к трудовому ресурсу добавились демпинговые рынки цифровых данных и аудиовизуального контента. Транснациональные корпорации контролируют технологии,

алгоритмы и модели распределения цифрового ресурса. Это воспроизводит колониальные модели эксплуатации: данные о пользователях из периферийных регионов превращаются в «поведенческий излишек», который монетизируется в финансовых центрах. Алгоритмическое управление усиливает культурную гегемонию западных нарративов [3]. Как отмечает А. Г. Постнов, цифровая колониализация способствует сохранению и трансформации исторических колониальных структур в цифровой сфере, где медиатизация выступает аренной неоколониальных отношений, сохраняя дисбаланс между центрами и перифериями. Ключевым механизмом является цифровая колонизация, проявляющаяся в контроле над критической инфраструктурой, датафикацией повседневности и алгоритмической губернаторностью. Платформы создают условия, при которых Глобальный Юг становится источником «больших данных» – новой «нефти» цифровой экономики, но лишен возможностей их полноценной обработки и монетизации [3]. Это приводит к новым разнообразным формам эксплуатации и зависимости: от потери государствами цифрового суверенитета до культурной вестернизации, где местные практики подстраиваясь под глобальный образец, с течением времени растворяются, теряя идентичности. Постколониальная теория проводит синтез критического анализа с теорией сетевого общества М. Кастельса и концепциями культурной гегемонии, раскрывая, как платформы не разрушают, а адаптируют колониальные паттерны власти: от «ориентализма» Саида в цифровых репрезентациях до субалтерных голосов, которые, по Спивак, по-прежнему «не могут говорить» в алгоритмически структурированном пространстве.

Особое внимание постколониальный дискурс уделяет социокультурному измерению формирования платформенного капитализма в структуре социальной реальности. Транснациональные медиаплатформы усиливают процесс детерриторизации (релокация) культурных потоков. В противовес западному культурно-технологическому конгломерату платформ возникают альтернативные медиапрактики и гибридные форматы в локальных контекстах, где постколониальный подход фиксирует пространство символической борьбы и культурного диалога. В российском и постсоветском контексте это проявляется в рецепции западных платформ при одновременном развитии национальных аналогов (Яндекс, VK), что отражает специфику борьбы за культурную и цифровую автономию [2]. Основопологающей проблематикой, подчеркиваемой постколониальной теорией платформ, становится национальный цифровой суверенитет. Он выступает не только в роли технико-правового регулятора (локализация данных, регуляция алгоритмов), но и национальной стратегией противодействия новым формам эксплуатации и культурной гегемонии. Как отмечает Постнов, реализация суверенитета требует комплексного анализа с учетом локальных контекстов и глобальных тенденций: от политики импортозамещения технологий до переоценки категориального аппарата философии технологий и медиа с позиции трансграничного характера цифровой власти [3, с. 82]. В плюралистической перспективе постколониальный дискурс выделяет разнообразие форм сопротивления: в Азии государство активно медирует платформенные отношения, в то время как в территориальных рамках Глобального Юга акцент ставится на преодолении цифрового разрыва и постколониальной зависимости. Таким образом, постколониальная теория платформ обогащает междисциплинарный анализ, преодолевая западоцентризм традиционных исследований платформенного капитализма. Она раскрывает платформы как арену воспроизводства и трансформации колониальных структур в цифровую эпоху, где экономика данных переплетается с символическим доминированием и политической зависимостью.

Алгоритмическая субалтерность

Субалтерность в алгоритмах представляет собой одно из наиболее острых проявлений цифровой колонизации и новой формы эпистемического насилия в структуре платформенного капитализма. Понятие субалтерности, введенное А. Грамши и радикально переосмысленное Г. Ч. Спивак в эссе «Могут ли субалтерные говорить?», обозначает положение маргинализированных групп, чьи голоса систематически исключаются из доминирующих дискурсов, а их опыт репрезентируется или стирается властными структурами. В эпоху платформ алгоритмы выступают не нейтральными техническими инструментами, а новыми механизмами производства и воспроизводства субалтерности: они кодифицируют, ранжируют и делают невидимыми субъектов Глобального Юга, классово, расово или гендерно угнетенных групп, превращая их в «данные» без права на речь. Алгоритмическая субалтерность возникает на пересечении датафикации, коммодификации и селекции, лежащих в основе платформенной логики [12]. Рекомендательные системы, модерация контента и алгоритмы поиска опираются на исторически предвзятые наборы данных, которые отражают и усиливают западоцентричные, неолиберальные и колониальные иерархии. Как показывает постколониальный анализ, глобальные платформы (Meta, Google, Amazon) превращают пользователей из периферийных регионов в поставщиков «поведенческого излишка», чьи данные извлекаются и монетизируются в центрах, в то время

как их культурные нарративы, языки и практики либо игнорируются, либо искажаются [1]. Субалтерные голоса оказываются «немыми» не потому, что они не говорят, а потому, что алгоритмы не позволяют им быть услышанными: контент на локальных языках, альтернативные дискурсы или критика платформенной эксплуатации получает низкий приоритет, попадает в теневой бан или удаляется под предлогом «нарушения правил». В сфере платформенного труда субалтерность приобретает особенно острые формы. Гиг-экономика (Uber, Deliveroo, местные аналоги) превращает работников Глобального Юга и постсоветского пространства в «цифровых субалтерных»: алгоритмическое управление («цифровой тейлоризм») лишает их автономии, права на коллективные действия и даже возможности оспорить решение системы. Рейтинги, геолокация и динамическое ценообразование кодифицируют классовую, расовую и гендерную иерархию, делая субалтерных работников одновременно видимыми (как источник данных) и невидимыми (как политических субъектов). К. Фукс и другие неомарксисты подчеркивают, что просьюмерская активность субалтерных групп генерирует стоимость, которая присваивается платформами, при этом сами работники лишены права голоса в определении условий труда [9]. Философские линзы усиливают понимание алгоритмической субалтерности. Постструктуралистская перспектива Делёза трактует алгоритмы как аппараты «обществ контроля», где субалтерный превращается в дивидуума – фрагментированный набор данных, лишенный цельной субъективности. Психополитика Хан Бён-Чхольа показывает, как алгоритмы эксплуатируют аффекты маргинализированных групп, превращая их усталость и самоэксплуатацию в ресурс капитала. Философия символических форм Э. Кассирера в интерпретации цифрового капитализма как современного мифа раскрывает, как алгоритмы осуществляют символическую конверсию: опыт субалтерных групп переформатируется в товар, а их сопротивление – в шум, подлежащий фильтрации [7, с. 24]. Алгоритмы выступают не просто техническим кодом, а новым колониальным аппаратом, воспроизводящим «ориентализм» в цифровой форме. В российском и постсоветском контексте проблема алгоритмической субалтерности приобретает особую остроту. Глобальные платформы доминируют в культурном и информационном пространстве, маргинализируя локальные нарративы и практики [2]. Национальные платформы (Яндекс, VK) и политика цифрового суверенитета выступают попыткой вернуть «голос» субалтерным субъектам внутри страны, однако сами могут воспроизводить внутренние иерархии (региональные, этнические, классовые). Постколониальная технологическая тенденция требует не только технологического импортозамещения, но и деколонизации алгоритмов: разработки датасетов, отражающих многообразие российского опыта, и механизмов прозрачности и подотчётности. Субалтерность в алгоритмах – это не побочный эффект технологического прогресса, а структурная особенность платформенного капитализма, воспроизводящая и трансформирующая колониальные отношения в цифровую эпоху. Постколониальная теория платформ в синтезе с политэкономией, философией техники и антропологией позволяет не только диагностировать механизмы замалчивания, но и наметить пути к эмансипации: от деколонизации кода до создания альтернативных цифровых экосистем, где субалтерные голоса становятся полноправными участниками производства социальной реальности. Эпистемическое насилие в алгоритмах выступает одной из наиболее изощренных и системных форм цифровой колонизации в структуре платформенного капитализма. Понятие эпистемического насилия, введенное Г. Ч. Спивак в рамках постколониальной теории, обозначает не физическое принуждение, а уничтожение, маргинализацию и стирание альтернативных способов познания, локальных эпистем и субалтерных нарративов доминирующими дискурсами власти-знания [11]. В алгоритмической среде это насилие приобретает технологическую форму: алгоритмы платформ (рекомендательные системы, модерация контента, поисковые ранжирования, кредитные скоринги) выступают новыми аппаратами эпистемического убийства, навязывая западоцентричные, неолиберальные и капиталистические режимы истины, одновременно делая невидимыми или искаженными другие эпистемические традиции.

Эпистемическое насилие

Механизмы эпистемического насилия коренятся в самой архитектуре платформенных алгоритмов. Датафикация и коммодификация опыта превращают человеческие практики в унифицированные датасеты, которые обучают модели на основе исторически предвзятых данных, отражающих колониальные иерархии расы, класса, гендера и географии. Глобальные платформы (Meta, Google, Amazon) извлекают «поведенческий излишек» преимущественно из пользователей Глобального Юга и полупериферий, но интерпретируют и монетизируют его в рамках евроамериканских эпистемологических рамок. Локальные языки, культурные коды, незападные формы знания (индигенные космологии, альтернативные экономические модели) получают низкий приоритет, попадают в тень алгоритмов или подвергаются «очистке» под предлогом «качества контента». То есть алгоритмы воспроизводят то, что Спивак называла «субалтерным молчанием»: субалтерные субъекты говорят, но их речь не переводится в значимый сигнал внутри

доминирующей системы. В контексте платформенного капитализма эпистемическое насилие тесно переплетается с субалтерностью в алгоритмах. Алгоритмическая губернаментальность и «общества контроля» Делёза превращают знание в инструмент модуляции: дивидуумы субалтерных групп существуют как фрагментированные данные, лишённые права на собственную эпистемологию. В гиг-экономике алгоритмы Uber и смежных сервисов регламентируют трудовые практики периферийных работников через западные метрики эффективности, игнорируя местные законы и трудовую культуру. Психополитика Хан Бён-Чхолья дополняет картину: алгоритмы эксплуатируют аффекты и желания, навязывая неолиберальную субъективность, где альтернативные формы знания воспринимаются как «шум» или «неэффективность». Философская концепция символических форм Э. Кассирера в интерпретации цифрового капитализма как современного мифа раскрывает символическую конверсию: эпистемическое насилие превращает многообразие человеческих миров в унифицированный товар, устанавливая культурную гегемонию через алгоритмическую «естественность».

Сопrotивление эпистемическому насилию в алгоритмах требует многоуровневого подхода. Платформенные кооперативы и децентрализованные модели позволяют субалтерным группам участвовать в определении алгоритмической логики [10]. Политика цифрового суверенитета, включая регуляцию данных и импортозамещение, должна дополняться эпистемологической деколонизацией – разработкой контр-датасетов, критической алгоритмической грамотности и символической грамотности [7]. Академические практики снизу – этнография алгоритмов, партисипаторный дизайн и постколониальные исследования ИИ – способны вернуть голос субалтерным эпистемам. Исходя из вышеописанного, мы можем наблюдать трансформацию колониальной эксплуатации, подмечая, что эпистемическое насилие в алгоритмах – это не программный сбой, а структурная особенность платформенного капитализма. Постколониальная теория вкупе с политэкономией, философией техники и антропологией платформ позволяет не только диагностировать механизмы эпистемической экспроприации, но и выявить нормы эпистемической справедливости: от деколонизации кода до создания альтернативных национальных цифровых экосистем, где вариативность знаний становится условием подлинной социальной реальности. Цифровой суверенитет как необходимость государства и общества суверенно определять логику функционирования цифрового пространства, контролировать объёмы данных, инфраструктуру, алгоритмы и платформенные экосистемы приобрёл особую актуальность в условиях распространения платформенного капитализма. Глобальные платформы, концентрируя власть над поведенческим излйшком и алгоритмическим управлением, подрывают традиционные формы государственного суверенитета, воспроизводя механизмы цифровой колонизации и эпистемического насилия [3]. Постколониальная теория платформ трактует цифровой суверенитет не только как технико-правовую меру, но и как стратегию деколонизации – противодействия новым формам зависимости, культурной гегемонии и субалтерности в алгоритмах. В мире сформировались разнообразные модели реализации цифрового суверенитета, отражающие геополитические, экономические и культурные контексты. Наиболее яркие примеры демонстрируют Россия, Китай, Европейский союз и Индия, каждая из которых предлагает свой ответ на доминирование западных платформ.

Выводы

Анализ и использование социально-философского (социально-онтологического), политико-философского, социально-экономического, социально-антропологического, социально-эпистемологического и социокультурного подходов позволяет сделать вывод о том, что формирование платформенного капитализма происходит на трех основных уровнях социальной реальности, что во многом объясняет скорость и глубину его социальной онтологизации: на объективном уровне (экономические: производственные, ресурсные, кадровые, логистические, политические процессы), на субъектном (социально-антропологическом) и социокультурном (динамика ценностей, символических форм и идентичности). Платформенный капитализм реализует как конструктивные, так и деструктивные тенденции в социальной реальности. Позитивными эффектами являются: экономический рост и «экономика вклада», алгоритмическая автоматизация, экономия временных и логистических ресурсов, доступность товаров и услуг. Негативные эффекты: алгоритмическая субалтерность, механизмы цифровой колонизации (воспроизводство структур неравенства, символического господства и зависимости в глобальной медиатизации), цифровая мифологизация и симулярность, эпистемическое насилие, цифровая идентичность, гипертрофированное потребление и угрозы национальному суверенитету.

Список источников

1. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма / Ш. Зубофф. – Москва : Институт Гайдара, 2022. – 784 с.

2. Пеннер, Р. В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания : дис. ... д-ра философ. наук / Р. В. Пеннер. – Саратов, 2023. – 359 с.
3. Постнов, А. Г. Цифровой капитализм и постколониальная теория: критический анализ современных медиапрактик / А. Г. Постнов // Культура и цивилизация. – 2025. – Т. 15, № 8А. – С. 77–85. – doi: 10.34670/AR.2025.45.33.009.
4. Храпов, С. А. Социокультурные риски цифровой эпохи / С. А. Храпов, О. Б. Skorodumova // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2026. – № 1 (86). – С. 200–209. – doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.018.
5. Храпов, С. А. Философия экономики vs экономическая философия: преодоление дисциплинарных границ в условиях цифровизации социальной реальности / С. А. Храпов, С. Е. Крючкова, Е. В. Крючкова // Вестник Калмыцкого университета. – 2026. – № 1. – С. 167–175. – doi: 10.53315/1995-0713-2026-69-1-167-175.
6. Храпов, С. А. Цифровая экономика: методологические сложности и социально-онтологические риски / С. А. Храпов, С. Е. Крючкова // Вопросы философии. – 2026. – № 4. – С. 5–14. – doi: 10.21146/0042-8744-2026-4-5-14.
7. Anamofa, J. N. Interpreting digital capitalism as a modern myth through Ernst Cassirer's philosophy of symbolic forms / J. N. Anamofa, S. Sartini, I. Ariani // Journal of Cultural Analysis and Social Change. – 2025. – Vol. 10, № 1. – P. 18–32.
8. Foster, C. Conceptualizing variety in platform capitalism: the dynamics of variegated capitalism in Thai digital marketplace platforms / C. Foster // Globalizations. – 2024. – Vol. 21, № 5. – P. 970–989.
9. Fuchs, C. Digital Labour and Karl Marx / C. Fuchs. – Routledge, 2014. – 424 p.
10. Ours to Hack and to Own: The Rise of Platform Cooperativism / ed. by T. Scholz, N. Schneider. – New York : OR Books, 2017. – 252 p.
11. Spivak, G. C. Can the Subaltern Speak? / G. C. Spivak // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. – Urbana/Chicago : University of Illinois Press, 1988. – P. 271–313.
12. Van Deyk, J. The Platform Society: Public Values in a Connective World / J. Van Deyk, T. Poell, M. de Waal. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 240 p.

References

1. Zuboff S. *Epokha nadzornogo kapitalizma* [The Age of Surveillance Capitalism]. Moscow: Gaidar Institute Press; 2022, 784 p.
2. Penner, R. V. *Tsifrovaya identichnost kak novaya forma sotsialnogo priznaniya* [Digital identity as a new form of social recognition]. Dr. Phil. Sci. Diss. Saratov; 2023, 359 p.
3. Postnov, A. G. *Tsifrovoy kapitalizm i postkolonialnaya teoriya: kriticheskiy analiz sovremennykh mediapraktik* [Digital Capitalism and Postcolonial Theory: A Critical Analysis of Contemporary Media Practices]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Kultura i Tsivilizatsiya]. 2025, no. 15(8A), pp. 77–85, doi: 10.34670/AR.2025.45.33.009.
4. Khrapov, S. A., Kryuchkova, S. E., Kryuchkova, E. V. *Filosofiya ekonomiki vs ekonomicheskaya filosofiya: preodolenie distsiplinarykh granits v usloviyakh tsifrovizatsii sotsialnoy realnosti* [Philosophy of Economics vs. Economic Philosophy: Overcoming Disciplinary Boundaries in the Context of Digitalization of Social Reality]. *Vestnik Kalmytskogo Universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2026, no. 1, pp. 167–175, doi: 10.53315/1995-0713-2026-69-1-167-175.
5. Khrapov S. A., Skorodumova O. B. *Sotsiokulturnye riski tsifrovoy epokhi* [Socio-Cultural Risks of the Digital Age]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian region: politics, economics, culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 200–209, doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.018.
6. Khrapov, S. A., Kryuchkova, S. E. *Tsifrovaya ekonomika: metodologicheskie slozhnosti i sotsialno-ontologicheskie riski* [Digital Economy: Methodological Challenges and Socio-Ontological Risks]. *Voprosy Filosofii* [Voprosy Filosofii]. 2026, no. 4, pp. 5–14, doi: 10.21146/0042-8744-2026-4-5-14.
7. Anamofa, J. N., Sartini, S., Ariani, I. Interpreting digital capitalism as a modern myth through Ernst Cassirer's philosophy of symbolic forms. *Journal of Cultural Analysis and Social Change*. 2025, no. 10 (1), pp. 18–32.
8. Foster, C. Conceptualizing variety in platform capitalism: the dynamics of variegated capitalism in Thai digital marketplace platforms. *Globalizations*. 2024, no. 21 (5), pp. 970–989.
9. Fuchs, C. *Digital Labour and Karl Marx*. Routledge; 2014, 424 p.
10. *Ours to Hack and to Own: The Rise of Platform Cooperativism*. Ed. by T. Scholz, N. Schneider. New York: OR Books, 2017, 252 p.
11. Spivak, G. C. Can the Subaltern Speak? In C. Nelson & L. Grossberg (Eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana / Chicago: University of Illinois Press; 1988, pp. 271–313.

12. Van Deyk, J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford: Oxford University Press; 2018, 240 p.
13.

Информация об авторах

*Храпов С. А. – доктор философских наук, профессор;
Миронов Г. Ю. – аспирант.*

Information about the authors

*Khrapov S. A. – Doctor of Philosophical Science, Professor;
Mironov G. Y. – postgraduate student.*

Вклад авторов

*Храпов С. А. – разработка общей методологии исследования, раскрытие социально-философского аспекта трансформации социальной реальности в условиях цифровизации;
Миронов Г. Ю. – осмысление и концептуализация феномена платформенного капитализма, его онтологизации в уровнях социальной реальности.*

Contribution of the authors

*Khrapov S. A. – development of a general research methodology, disclosure of the socio-philosophical aspect of the transformation of social reality in the context of digitalization;
Mironov G. Y. – understanding and conceptualization of the phenomenon of platform capitalism, its ontologization in the levels of social reality.*

*Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026;
принята к публикации 30.06.2026.*

*The article was submitted 28.05.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted
for publication 30.06.2026.*